

The book cover features a stylized illustration. In the foreground, a pregnant woman with long brown hair, wearing a grey cable-knit sweater, is smiling and holding two teddy bears, one white and one brown. In the background, a man with a beard and short brown hair, wearing an orange button-down shirt, looks intensely at the viewer. To the right, a woman's legs in blue shorts and black high-heeled shoes are visible, holding a black bottle. The background is a blurred city street scene.

ИЗМЕНА

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ-
ПРОСТИ

ПОЛИНА
РЕЙ

Полина Рей

Измена. Если любишь – прости

«Автор»

2023

Рей П.

Измена. Если любишь – прости / П. Рей — «Автор», 2023

- Марин, что у тебя с лицом? - удивлённо приподняла я брови, глядя на подругу, которая должна была помочь мне украсить гостиную. - Нет, ничего, - ответила Марина, пряча телефон. Я подошла к ней и потребовала ответа: - Что не так? Подруга, после некоторого колебания, протянула мне мобильник. На его экране было видео - мой муж лапает какую-то девицу и тащит её в приват-комнату в клубе. Я готовилась к тому, чтобы озвучить супругу пол будущего ребёнка. Знала, что у нас с Сашей сын. Долгожданный. Хотела обрадовать мужа, сказав, что его мечта наконец сбудется. А получила сюрприз вместо него. Мой муж мне изменяет. И не с кем-то незнакомым. А с женщиной из его прошлого. Той, которую он, видимо, любил все эти годы. И продолжает любить по сей день.

Полина Рей

Измена. Если любишь – прости

– Марин, что у тебя с лицом? – удивлённо приподняла я брови, глядя на подругу, которая должна была помочь мне украсить гостиную.

– Нет, ничего, – ответила Марина, пряча телефон.

Я подошла к ней и потребовала ответа:

– Что не так?

Подруга, после некоторого колебания, протянула мне мобильник. На его экране было видео – мой муж лапает какую-то девушку и тащит её в приват-комнату в клубе.

Я готовилась к тому, чтобы озвучить супругу пол будущего ребёнка. Знала, что у нас с Сашей сын. Долгожданный. Хотела обрадовать мужа, сказав, что его мечта наконец сбывается. А получила сюрприз вместо него. Мой муж мне изменяет. И не с кем-то незнакомым.

А с женщиной из его прошлого. Той, которую он, видимо, любил все эти годы.

И продолжает любить по сей день.

У нас будет сын. Нет, я ни капли не сомневалась в том, что ношу под сердцем мальчика, пожалуй, с того самого момента, как увидела на тесте две полоски. Но слышать, как это подтверждает врач, было особенным удовольствием.

Мы с мужем планировали большую семью. Саша в шутку говорил, что я буду рожать до результата, а именно до момента, пока у нас не родится сын. Я – тоже в шутку – соглашалась. Ну как, в шутку? Детей всегда хотела, причём не просто одного-двух, а чуть ли не целый детский сад. В этом мы с мужем были полностью солидарны.

Первой у нас родилась Дианка – шепутная девчонка, наш первенец. Сейчас ей было четыре годика, но она ни капли не посерьёзнела за это время. Наоборот, казалось, что чем она старше, тем более лукавой и готовой на всякие проделки становится.

Через два года после её рождения на свет появилась Глаша. Полная противоположность Дианы. Мы потом с мужем частенько смеялись, что его желание назвать девочек совершенно полярными именами дало свои плоды.

Глашке нравились книги, причем без картинок. Она часами могла сидеть и листать их, естественно, не в силах прочесть написанное.

«Это пока, – улыбался Сашка, любуясь на младшую дочь. – Вот вырастет, превратится в настоящего книжного червя».

Я шутливо морщилась и запрещала мужу так отзываться о собственном ребенке. Он поднимал руки вверх, сдаваясь, чтобы через время выдать что-нибудь подобное снова.

Третьего ребенка мы завели, не сговариваясь. Стоило только Глаше отметить второй день рождения, самым собой разумеющимся стал тот факт, что я скоро снова стану вынашивать малыша. Так и случилось – я быстро забеременела, не успев даже полностью восстановиться после родов.

«Третьим точно будет пацан, – со знанием дела говорил муж. – Ну а если девчонка – не расстроюсь. Какие наши годы?».

Он нежно целовал меня, а я прижималась к нему и согласно кивала. И вправду – какие наши годы? Мне двадцать восемь, Саше тридцать четыре. Вся жизнь впереди. Вырастим детей, купим дом у моря, а когда появятся внуки, станем собираться огромной семьёй за не менее огромным столом.

Именно такой, безоблачной и умиротворённой, была моя жизнь.

До сегодняшнего дня.

– Маринка! Сын! У нас будет сын! Уже точно сказали!

Такси остановилось на светофоре – я поймала в зеркальце заднего вида взгляд шофёра. Его глаза улыбались, вторя тем чувствам, что бушевали у меня внутри. И я не сдержалась и счастливо рассмеялась.

– Да. У меня вот и фото есть.

Я выудила из сумки нашу первую фотографию сыночка. Специально сегодня не взяла с собой мужа, когда делала УЗИ, на котором наш малыш показался и так, и эдак. Словно хотел, чтобы все знали – это мальчик. А Сашка и должен был узнать, только не вместе со мной, а на специально организованной в честь этого события гендерной вечеринке.

Я не очень любила это название для такого интимного действия, но раз уж повелось говорить о нём так, приходилось изъясняться на понятном всем языке.

– Ага, хорошо, тогда я на тебя рассчитываю. Сейчас за шариками заеду, а капкейки привезут часа через три. Да нет, я отказалась, чтобы она их пропитывала ночь. Сделает так. Они же, в первую очередь, не для еды.

Покачивая головой, когда подруга шутливо возмущалась моим высказываниям о десерте, добавила:

– Нормально посидим потом. Сейчас у меня сюрприз для Сашки. Жду тебя через час.

Я отключила связь и некоторое время просто смотрела то на пролетающий за окном пейзаж, то на снимок сына. У него определённо папины черты. И то, как малыш уже хмурил бровки, хотя ему было всего четыре месяца внутриутробного периода. И то, какая складочка пролежала на подбородке. Всюду мне мерещился Саша.

– Скоро увидимся, мой хороший, – тихо, чтобы было слышно лишь мне и сыну, сказала я, положив руку на живот. – Месяцев через пять. А пока обрадуем папочку.

Направляясь к магазину, где должна была докупить последние необходимые элементы декора, я пребывала в грёзах. И даже не предполагала, что мои розовые очки скоро разобьются стёклами внутрь, как в известной песне.

– Не понимаю, куда ты так торопишься, – вздохнула подруга, прибывшая помогать мне с вечеринкой.

Хотя, это было слишком громкое слово. Я, Саша, наши с ним дочери, Марина и мои родители – вот состав, который планировался на небольшое чаепитие. Муж возьмёт один из капкейков, покрытых бельгийским шоколадом, откусит кусочек и... увидит, что бисквит синего цвета. И я уже предвидела, каким изумлённо-обрадованным в этот момент станет его лицо.

– Что значит, тороплюсь? – не поняла я, украшая гостиную бежевыми шарами.

Всё должно быть максимально нейтральным, чтобы у Сашки и мысли не появилось о том, какой сюрприз его ждёт. Хотя, это было весьма наивно – считать, что муж не поймёт по масштабу праздника истинную причину, даже не надкусив ни единого капкейка.

– Ну сказала бы завтра. Успели бы и тесто пропитать, и всё здесь украсить, – пояснила Маринка, беря из вазочки карамельку.

– Да ну ты что? Я же не выдержу и выдам всё безо всякого праздника, – возмущалась в ответ и, улыбнувшись, добавила: – Мама меня уже пытается, но я держусь. Пусть для них с отцом это тоже станет сюрпризом.

Подруга покачала головой, мол, да и так всё всем понятно, забралась на стул, чего я себе позволить уже не могла, ввиду соблюдения безопасности, и быстро нарядила комнату под потолком.

Спустившись вниз, придирчиво осмотрела результат своей работы и постановила:

– Ну, так вроде ничего.

Я была с ней не согласна. Ничего – это слабо сказано. Всё получилось именно так, как я и хотела. Отойдя на пару шагов, я окинула взглядом ту часть гостиной, где предполагалось основное событие. На небольшом кофейном столике я планировала разложить капкейки, которые совсем скоро должен был доставить курьер. Возле подноса с ними красиво расставим чашки для чая и кофе. Они уже дожидались в сторонке – два самых красивых сервиза на свете. Сашка, возможно, сочтёт все эти приготовления глупостями, ну и пусть! Главное, чтобы этот день запомнился всем.

– Марин, что у тебя с лицом? – удивлённо приподняла я брови, когда взглянула на подругу.

Она как раз отошла к дивану, на край которого и опустилась. Сидела и смотрела в телефон, при этом казалось, что она испугана и ошарашена настолько, что я бы могла подумать, будто за окном произошёл апокалипсис.

– Нет, ничего, – ответила Марина, пряча телефон в карман толстовки.

Странно всё это. Я даже не представляла, что там такое могло попасться подруге в новостях, или где там ещё, чтобы она настолько остро на это отреагировала.

Я подошла к ней и потребовала ответа:

– Что не так?

Мне и вправду нужно было понять, в чём дело. Марину снова начал преследовать парень, с которым она рассталась аж полгода назад и который донимал не только её, но ещё и людей из близкого окружения? Если так, нужно было с этим разобраться.

Подруга, после некоторого колебания, протянула мне мобильник. Я не сразу поняла, что именно происходит на его экране. А когда до меня дошло...

Это было видео. Мой муж лапал какую-то девушку и тащил её в приват-комнату ночного клуба. На Саше был свитер, тот самый, который я подарила ему не так давно на его день рождения.

– Что это? – выдавила я из себя, чувствуя, как мне в лицо бросается краска, которая обжигает, опалает, испепеляет.

– Светка Торопова прислала... Спрашивает, не Саша ли это Волошин... – выдавила из себя Марина.

Прикрыв глаза, я тяжело опустилась рядом с подругой. Сердце остановилось. В такие моменты кто-то чувствовал, как его грудную клетку буквально разрывает от неистового бие-ния, я же ощущала себя так, будто жизнь замерла. И в эпицентре этой смертельной остановки была я. Маленькая, хрупкая и беременная.

– Я посмотрю снова! – сказала подруга, забрав из моих окаменевших пальцев телефон. – Наверное, это не Саша.

А я знала, видела, чувствовала – это он. Мой муж, который, запрокинув голову, смеялся и тащил притворно упирающуюся девушку туда, где они останутся вдвоём.

– Это он, – хрипло проговорила я. – Света не ошиблась.

Я открыла глаза и посмотрела кругом себя удивительно ясным взглядом. Вся эта мишура в виде шаров и капкейков вдруг стала видаться мне такой идиотской. У Саши Волошина, моего мужа, была другая жизнь – взрослая, настоящая. А не эти детские шалости, которыми я тут собиралась потчевать его сегодня вечером.

– Что это за тёлка с ним вообще? – возмутилась Маринка, вскакивая с места.

Я криво улыбнулась. Определение «тёлка» как нельзя лучше подходило тому контрасту, который я ощущала в душе. Именно так – там тёлка, а здесь жена-дура.

– Вообще не знаю, – пожала я плечами и, поднявшись на ноги, подошла к столу, за которым планировала устроить чаепитие. – Да и какая разница?

Взяв в руки чашку, я повертела её в пальцах и, не сдержавшись, отбросила прочь. Вздрыгнула от звона, с которым она, соприкоснувшись со стеной, разбилась. Осколки разлетелись по

гостиной. Марина ойкнула и, бросившись ко мне, схватила за руки, видимо, решив, что я могу продолжить крушить комнату.

– Отпусти! – велела я ей не своим голосом.

Этот полустон-полуприказ не мог принадлежать мне.

– Отпусти-и-и!

Я вновь потянулась к ни в чём неповинной чашке. Нужно всё убрать, сделать вид, что даже не задумывала этих глупостей. Для начала я просто обязана этим заняться, чтобы не прокручивать в голове те картинки, которые разрывали мою душу на части. А потом уже попытаюсь успокоиться. Ради себя самой, ради своих детей.

– Хватит! Хватит, Злата! – сжав мои плечи и, чуть тряхнув, велела Марина.

Я воззрилась на подругу с искренним недоумением на лице. Неужели я настолько ужасно себя веду, что подруга вынуждена делать то, чего ещё ни разу не позволяла в мою сторону? Но ни возмутиться, ни сообщить, что имею полное право на любую реакцию, не успела.

В замке повернулся ключ. И я очень надеялась, что это родители с моими дочками, а не вернувшийся пораньше Саша...

Из прихожей послышались детские голоса. Я выдохнула с облегчением – мне требовалось время, чтобы немного прийти в себя и подготовиться к разговору с мужем.

– Мама! Мамочка, как кр-расиво!

Влетевшая в комнату Диана, которая только-только научилась выговаривать «р» и всем и всюду это показывала, остановилась и, приложив ручки к груди, осмотрелась.

Я выдохнула. Морок, который заставлял меня раз за разом вспоминать смеющееся лицо мужа, тащившего в приватную комнату незнакомку, стал потихоньку таять. Лучшим лекарством от этого стали мои девочки. Глаша тоже уже вошла в комнату, держа за руку деда, моего отца, и стала с интересом разглядывать украшения.

– Мы вовремя? Успели же? – спросила меня мама, тоже улыбаясь так, словно у нас был самый главный праздник на Земле.

И для меня он таковым и являлся. До недавнего времени.

– Успели, – кивнула я.

Мама тут же нахмурилась, видимо, заметив, что со мной что-то не так. Посмотрела на папу, потом на девочек. С родителями у меня были самые замечательные отношения на свете. Я чувствовала их любовь и поддержку, что бы ни случилось. Сашу они любили тоже, но исключительно потому, что он был моим мужем. Я же, как их ребёнок, единственный и желанный, всегда стояла на первом месте.

– Всё хорошо? – понизив голос до шёпота и подойдя ближе, уточнила мама. – Снова девочка? Так это же прекрасно!

Она приобняла меня, а я, не сдержавшись, покачала головой. На глазах появились непрошенные слёзы.

– Злат, давай я с девчонками посижу немного, пока вы тут всё не доукрашаете и не расставите, – со значением в голосе сказала Марина. – А потом нас позовёшь, идёт?

Я посмотрела на подругу с благодарностью. Она знала – конечно, я захочу поделиться с самыми родными людьми тем, что выяснилось. Но при этом давала мне возможность повременить с обсуждением Сашиной измены.

Измена, господи, какое же жуткое слово, особенно когда знаешь, как трепетно муж к тебе относится! Как он молча собирает дочерей на прогулку, где и проводит часа три, чтобы ты могла отдохнуть. Как он привозит на выходных целую корзину фруктов, добытых где-то в лавке, торгующей экзотическими товарами, чтобы витамины были настоящие, а не «пластиковые». И ещё очень-очень много «как он делает», которые идут вразрез с тем, что Саша оказался предателем.

– Да, хорошо, мы доукрашаем, – кивнула Марине. – Там у Дианы новые куклы, а Глашке книгу дай, пожалуйста, – попросила, опускаясь на стул под обеспокоенными взглядами родителей. – И скинь мне... ну, ты поняла.

Подруга, взяв за руки моих дочек, кивнула и ушла в детскую, я же, прикусив нижнюю губу, стала постукивать ногой по полу. Папа и мама, присев напротив, терпеливо ждали. Когда же телефон пиликнул от входящего сообщения, я, глотнув порцию кислорода, проговорила:

– Саша мне изменяет.

Вот так вот просто, не зная, что ещё добавить к сказанному. Да и какая информация была нужна помимо этой? Я не знала, ни как давно это длится, ни кто эта женщина на видео. Пока родители, застыв, смотрели на меня во все глаза, я протянула им телефон.

Они не бросились меня расспрашивать и уверять, что я, должно быть, ошибаюсь. Они просто смотрели, ни слова не говоря. Раз, другой, третий. Наконец, папа, вернув мне мобильный, сказал:

– Ну, значит, туда ему и дорога. А ты, Златик, ни о чём не волнуйся. Я ещё многое могу, всех детей на ноги поставим, за то не переживай.

Он подскочил с места, как ужаленный. Заходил по комнате туда-сюда.

– Нет, вы посмотрите! Приключений ему захотелось! А такой ведь с виду приличный был все эти годы! Ну, он у меня получит!

– Серёжа, перестань так мельтешить. У тебя давление! – окликнула отца мама. – Но вообще, Златушка, папа правильно сказал – мы тебе во всём поможем.

Я понимала, почему они это говорят. Знали моё отношение к супружеской жизни – измена являлась для меня абсолютно неприемлемой. Я не способна была предать мужа и искренне считала, что простить такое сама не смогу. Если разлюбил – уходи, а потом уже заводи отношения. А если бегаешь по другим койкам – значит, не любишь.

Но сейчас, когда ещё не говорила с Сашей, я могла лишь цепляться за вероятность того, что это какая-то ошибка или наша общая галлюцинация.

– Спасибо, – просто сказала я родителям. – Пока с Волошиным не говорила – только узнала. Но праздника, похоже, сегодня никакого не выйдет.

Я развела руками и горько улыбнулась.

– Мы девочек можем с собой забрать, чтобы они не слышали то, что не полагается. А хочешь – все вместе сейчас уедем? И пусть Саша гадает, почему на этой вашей вечеринке он один!

Мама тоже поднялась с места и теперь они вдвоём с отцом расхаживали туда-сюда, словно воины, стоящие на страже моего отсутствующего спокойствия. Здоровое зерно в предложении было – мне нужно было время, чтобы успокоиться. Но, зная свой характер, я могла с уверенностью сказать, что уже вечером примчалась бы домой выяснять с мужем отношения.

– Нет, мамуль, – помотала я головой. А когда услышала звонок в дверь, добавила: – Да и курьер уже приехал. Так что... Дождёмся Сашу, а потом решим, что делать.

Сказав это, я пошла открывать. На душе скребли кошки – даже представить себе не могла, что один из самых радостных дней в жизни в итоге превратится в кошмар.

Волошин приехал через час. Я всё же нашла в себе силы, накрыла на стол так, как хотела, правда, на две персоны. Решила выдать капкейки маме с папой и девочкам с собой и попросить их увезти Глашу и Диану хотя бы до завтра.

У Саши горели глаза, он, видимо, сразу понял, что к чему, но делал вид, что не догадался. А я всё больше погружалась в состояние, от которого меня начало трясти. Руки ходили ходуном, когда упаковывала пирожные в коробку.

– Девочки уедут? Папа и мама тоже? – нахмурившись, спросил Волошин, не понимая, что происходит.

Мои родители, поджав губы, мгновением раньше сообщили, что пойдут собирать внучек.
– Да. Марина тоже поедет домой, – чуть дрогнувшим голосом сообщила я мужу.

Он свёл брови на переносице, но говорить ничего не стал. А когда мы остались наедине, я указала на стол, за которым и устроилась, попросила:

– Присядь, пожалуйста.

Саша тут же оказался рядом, устроился на корточках возле меня, заглянул мне в лицо. Беспокойство, которое исказило его черты, было неподдельным.

– Что стряслось, Злат? С ребёнком всё в порядке?

«С ним – да, а вот со мной – нет. И никогда уже не будет хорошо», – хотелось мне ответить. Но вместо этого я кивнула и повторила:

– Присядь, пожалуйста.

Волошин, после некоторого колебания, всё же устроился напротив. Оглядел озадаченным взглядом воздушные шарики, несколько капкейков, оставленных для него. Посмотрел на меня и, приподняв бровь, видимо, намеревался продолжить расспросы, когда я опередила его.

Положила перед ним телефон, включила запись злополучного видео. И поинтересовалась дрогнувшим голосом:

– Не подскажешь, что это такое и как это понимать, Саша?

За несколько часов до этого

Андрюха Лемешев женился – ну надо же! И не просто женился, а очень быстро, влюбившись в девушку, которую встретил недели три назад. Саша видел – у друга, едва ли не брата, буквально сорвало крышу, хотя они в компании уже и не надеялись когда-нибудь пристроить этого бабника.

«Только Златке пока ничего не говори, – просил Андрей. – Сообщишь за пару дней до поездки в ЗАГС. А то Маринка расстроится».

Марина, лучшая подруга Златы ещё со школьной скамьи, встречалась с Лемешевым несколько лет. Расстались не так давно – до свадьбы дело так и не дошло. Видимо, посчитав, что женой Андрюхи ей не стать, Марина сама ушла от незадачливого жениха. Но, как казалось самому Волошину, не забыла его до сих пор. Потому просьбу друга он воспринял всерьёз. И хоть между ним и Златой отродясь не было секретов, пока помалкивал о свадьбе Лемешева. Иногда было некомфортно, особенно если учесть тот факт, что они уже присматривали место для мальчишника. С другой стороны, это был своего рода сюрприз. Почти как тот самый, который ему готовила Злата.

Он с улыбкой наблюдал за тем, как жена волнуется в преддверии момента, когда узнает пол ребёнка. Один раз даже услышал слова «гендерная вечеринка», когда Злата говорила с подругой по телефону. Конечно, вида он в тот момент не показал, терпеливо ожидая оглашения результатов УЗИ, которые жена собиралась преподнести ему в виде особенного сюрприза.

А Волошин будто чувствовал – на этот раз у них будет сын. Сам не знал, почему так хочет мальчишку – что Глашу, что Диану просто обожал. Но казалось, что пока у них не родится сын, семья будто бы будет неполной.

– Волох, ты заснул, чёли? – окликнул его Марат, ещё один почти что брат.

Хлопнул по плечу, указал на довольно неприметное здание клуба, где они с друзьями собирались устроить мальчишник Лемешеву. Тот сразу заявил, что предпочтёт обойтись без попойки, в комплекте к которой шли высказывающиеся из торта полуголые девицы, но кто ж его послушал? Проводить друга в «последний» путь холостяка – святое дело.

– Нет, не заснул, думаю просто. Может, у меня за городом вечеринку устроим?

Марат поморщился.

– Ты как маленький, ей-богу. – Он хохотнул. – Боишься, что Злата тебя заревнует? Так ты же у нас почётный отец и муж, она это уже знать должна.

Саша ухмыльнулся, почесал в затылке. Он и представить себе не мог, что кто-то или что-то способны его сбить с пути истинного. Злату боготворил, был сугубо семейным человеком. Так что вроде у жены к нему никаких претензий быть не должно. А в том, что они доверяют друг другу, оба были убеждены с первых дней как начали встречаться.

– Ладно, пойдём договоримся. Наверное, какую-нибудь небольшую вип-зону снимем, там и отдохнём, – решил Волошин, и они оба отправились к дверям клуба.

Он поднёс к губам стакан с соком и взглянул на часы. Рабочий день подходил к концу, надо было ехать домой. На завтра Злата планировала ту самую вечеринку, так что пропущенное на работе время придётся усиленно навёрстывать.

Волошин уже собирался распрощаться с Маратом и уехать, когда его взгляд привлекла хрупкая блондинка, что танцевала внизу, держась за шест. В отличие от реальных танцовщиц клуба она была одета иначе – гораздо скромнее. Но не этот факт не просто заинтересовал Сашу, но заставил его сердце биться быстрее. Эта девушка была ему до одури знакома.

– Я отойду, – сказал он Марату, который уже вовсю флиртовал с женской компанией, сидящей за соседним столиком.

Отставил стакан, спустился вниз. И всё это время, все секунды, которые отделяли его от встречи с знакомой незнакомкой, он испытывал такой ураган чувств, какого не помнил уже очень давно.

– Привет, – хрипло поздоровался он, оказавшись за спиной девушки.

Она резко обернулась, на хорошеньком личике отразилось то, чего Саша так боялся и жаждал одновременно. Узнавание. Сердце сначала остановилось, а затем забилось отчаянно. Так быстро, как будто он вот-вот должен был словить приступ.

– Саша... – выдохнула блондинка, и Волошин растерянно взъерошил пятернёй волосы.

Это была его первая любовь. И его первая боль. Такая отчаянно-жуткая, что он помнил каждый её оттенок до сих пор.

– Что ты здесь делаешь? – выдавил Волошин из себя, на что она улыбнулась, растягивая губы в такой привычной манящей улыбке, что Сашу будто бы откинуло назад, в прошлое.

– Я здесь работаю, – ответила девушка. – Не в данный конкретный момент, а вообще. А сейчас просто отдыхаю.

Она смотрела в самую его душу, туда, куда, пожалуй, до неё не заглядывал ещё никто. Там тесно сплетались воспоминания о юности, первые чувства, такие сладки и сладостные, что от них до сих пор щемило сердце. Там было светло и уютно, так, как не будет уже никогда.

Волошину нужно было сделать единственно правильное – спросить для приличия, как у неё дела, после чего уйти. Но вместо этого он задал вопрос, на который ему так важно было получить утвердительный ответ:

– Покажешь мне здесь приват-комнаты?

Муж просматривал видео в третий раз и молчал. Я сидела рядом застывшей статуей и понимала – точка невозврата пройдена. Сейчас Саша или сойдёт мне, или скажет, что у него другая. И я пока даже понять не могла, что из этого хуже.

– Лемешев женится. Мы с Маратом были в клубе, хотим организовать мальчишник. Андрей просил тебе пока не говорить, он не хочет расстраивать Марину раньше времени, – глухо произнёс Волошин, и глаза мои помимо воли полезли на лоб.

Я спрашивала его вовсе не об этом! И Саша наверняка прекрасно это понимал. Забрав у него телефон подрагивающими пальцами, я смахнула вкладку с видео в сторону и задала прямой вопрос:

– Кто эта девушка? Только не говори мне, что ты заранее присматривал себе стрипти-зёршу!

В голосе слышались истеричные нотки, проскользнул совершенно идиотский смешок. Нет, я могла бы закрыть глаза на то, что на таком событии Волошин разок посмотрит, как девицы оголяются за деньги. Но здесь ведь всё было иначе! Он сам тянул её в отдельную комнату.

– Не присматривал, – после недолгого молчания, ответил муж. И добавил тихо, ошарашивая меня окончательно: – Это моя бывшая. Её зовут Диана.

Меня буквально пригвоздило к месту от услышанного. Диана... Её зовут Диана.

– Ты... дал имя нашей дочери в честь своей бывшей? – прохрипела я.

Комната поплыла перед глазами. Почти пять лет Саша обладал живым напоминанием о первой любви, а я ни о чём не знала! Ведь с самого начала, когда узнал, что я беременна нашим первенцем, он заявил, что если это девочка, её будут звать Дианой.

– Нет... Злат, нет, конечно. – Волошин растёр лицо ладонью. – Просто красиво же. И ты сама с этим согласилась.

– Если бы я знала, что твоя бывшая носит это имя – Дианку звали бы иначе!

Я выкрикнула эти слова и вскочила на ноги. Понимала родителей, которые совсем недавно маршировали по комнате туда-обратно. Остаться и дальше на месте было выше всяческих сил.

Господи, дай же мне хоть один шанс всё это пережить. Дай смелости взглянуть на ситуацию, в которую попала, смело, без того, чтобы отвести глаза и попытаться уползти в уголок зализывать раны.

– Злат... у нас с Ди... с ней ничего не было. Кто прислал тебе это видео? – тихо спросил Саша, и когда я посмотрела на него, мне захотелось рвано выдохнуть.

Волошин стал словно бы в два раза меньше, незаметнее. Сидел и смотрел на меня снизу-вверх, и если бы перед глазами не стояли те картинки из клуба, я бы испытала что-то сродни жалости.

– Какая разница? – приглушённо откликнулась я.

– Для меня – есть, – ответил Саша.

Я сделала несколько глубоких вдохов. Сынок в животе толкнулся, как будто делился со мной своей поддержкой. А может, чувствовал, что его маме сейчас очень несладко. В любом случае, это придало мне сил и дало возможность наконец хоть немного успокоиться.

– Света Торопова. И не мне, а Маринке.

Челюсти мужа сжались. Торопова была моей бывшей одноклассницей, после школы мы некоторое время общались, пока меня не увлекла семейная жизнь. Сейчас виделись крайне редко, но это было и неважно. Даже если бы видео пришло от абонента, которого я не знала, – это ничего не меняло.

– Значит, не показалось, что видел кого-то знакомого, – невесело хмыкнул Волошин.

Резко поднялся с места, шагнул в мою сторону. Я инстинктивно отпрянула, выставила руки, не желая подпускать.

– Стой там, где находишься! – пискнула, ненавидя то чувство, которое вдруг появилось внутри.

Страх. По отношению к мужу. Некогда самому близкому человеку.

– Злат... У нас ничего не было! Она работает там, я попросил показать приват, который бы мы сняли для Андрюхи. Позвони Марату, спроси. Меня не было всего десять минут!

Прикрыв глаза, я покачала головой. Слушать всё это было просто невозможно... Удушающе. Представлять, как Волошин проводит время с другой, с той, которую любил... Пусть и всего десять минут, за которые, в общем-то, можно очень многое успеть.

Мы никогда её не обсуждали. Я знала, что Саша был влюблён, когда учился четыре года и проживал в пригороде. Знала, что они с бывшей расстались и после у него были ещё женщины. Но мы никогда не обсуждали его первые серьёзные отношения в подробностях. Выходит – зря.

– Я не стану никому звонить. Мне достаточно того, что я видела. Ты её трогал, приобнимал, она на тебе буквально висла.

– Это длилось меньше минуты. Это было в шутку! Диана сказала, что позовёт менеджера, чтобы тот показал нам приват, я потащил её туда...

– Избавь меня от этих подробностей!

Мой голос сорвался, последним словом я буквально подавилась. Я не хотела этого слышать, не хотела, чёрт побери! Мне это было не нужно, потому что даже если у Волошина с его бывшей не было интима, он уже сделал всё, чтобы я поняла – Диана ему небезразлична. И не окажись у меня это видео, я даже представить не могла, чем именно бы завершилась эта встреча. Новыми свиданиями за моей спиной? Попытками восстановить утраченное?

Впрочем, я не знала этого и сейчас, но у меня хотя бы появился шанс в этой истории остаться в стороне и самосохраниться.

– Ты не веришь, что мы с ней... не занимались ничем? – выдавил из себя Волошин.

Наши взгляды с Сашей встретились. В глазах мужа полыхало столько всего, что эти чувства слились в сплошной калейдоскоп, разобрать в котором что-то конкретное я была не в силах.

– Я не верю тебе в том, что ты её забыл. Не верю, Саш...

Сказала это и замерла. Попала точно в цель – по лицу Волошина всё было ясно.

– Сейчас уйди, пожалуйста. Я хочу побыть одна.

Я ждала, что Саша меня поймёт. Покинет нашу квартиру, а куда отправится, честно говоря, сейчас мне было плевать. Но он стоял, смотрел на меня, на то, как я обхватываю себя руками, потому что у меня возникло ощущение, что я могу в любой момент просто взять и рассыпаться.

И ничего не делал. Не произносил ни звука.

– Мне очень жаль, что ты всё это испытала и продолжаешь испытывать, Злата. Я люблю тебя, люблю наших детей. Дороже никого у меня нет.

Я вскинула подбородок и посмотрела на Волошина прямо.

– Тогда скажи мне, что она не вызвала у тебя никаких чувств, – попросила дрожащим голосом.

Называть бывшую по имени я попросту не могла. Как не могла быть уверенной в том, что Волошин в своих заверениях, что он ничего не ощущает по отношению к первой любви, будет искренен.

Впрочем, их не прозвучало, этих заверений. Саша просто перевёл взгляд и стал смотреть на чёртовы капкейки.

– Уходи... – простонала я, метнувшись к нему. – Уходи, или это сделаю я!

Я толкнула его в плечо, ударила ладонью, но это было всё равно, что пытаться причинить хоть каплю неудобств каменной скале.

А потом Волошин развернулся и направился в прихожую. Стал обуваться, а я едва стояла на ногах, жаждавшая лишь лечь на кровать, накрыться одеялом с головой и порыдать.

– Саш... – окликнула я мужа, и когда тот обернулся, не выдержала.

Мне нужно было хоть отчасти выплеснуть всё то, что бушевало внутри. Схватив капкейк, я бросилась им в Волошина. Пирожное, пролетев добрых два метра, достигло стены. Разлетелось на части синего цвета, осыпалось на пол.

– С сыном тебя! – выдавила я сквозь слёзы и, метнувшись в нашу с мужем спальню, заперлась на замок.

«Златкин, напиши мне, как сможешь. Волнуюсь», – пришло мне сообщение от Марины примерно через полчаса после того, как Саша ушёл.

Всё это время я просидела на полу, прислонившись спиной к нашей кровати и обхватив колени руками. Слышала, как Волошин медлит. Мне даже почудилось, что он подходил к спальне, прислушивался, но, так и не сделав ничего, просто вышел из квартиры и куда-то уехал. В первые минуты меня охватило ощущение, что я должна немедленно его вернуть. Начать названивать, кричать в трубку, чтобы мчался обратно, но всё это настолько походило на агонию, что мне было тошно от самой себя. Я нуждалась в том, чтобы прошло хоть немного времени. А у Саши имелось понимание, что теперь любой его шаг может привести к краху нашей семьи. Если, конечно, он не соврал в том, что этот самый шаг ещё не сделан.

«Приедешь? – напечатала в ответ. – Чаю попьюм...»

Я не знала, что присовокупить к сказанному, а Марина не стала задавать лишних вопросов.

«Мчусь!» – написала она, и мои губы тронула слабая улыбка.

Первым делом, немного придя в себя, я встала и отправилась оттирать несчастную, незаслуженно получившую салют из капкейка, стену. Это немного отвлекло. Мысли о бывшей Саши от себя я гнала, хотя они и возвращались с назойливостью навозных мух.

«Я у отца. Завтра поговорим?»

Теперь мне писал Волошин. Глупо было игнорировать то чувство облегчения, которое появилось, когда он прислал сообщение. Сейчас мне стоило ему поверить на слово, а завтра... завтра, наверное, нам в любом случае придётся вернуться к этому разговору.

«Поговорим», – просто напечатала я, на что получила молниеносно присланное:

«Я люблю тебя».

А это сообщение я уже оставила без ответа.

– Значит, Лемешев женится... – выдохнула в который раз Маринка, когда мы с ней сидели, закутавшись в пледы, словно в квартире было холодно.

А я и испытывала это чувство, какой-то прохлады, сконцентрировавшейся внутри и начавшей расплзаться по всему телу. И речь была не только о физических ощущениях.

– Ну да... – пожала я плечами. – А вообще, ты знаешь... Это к лучшему. Раньше я всё злилась на него за то, как он с тобой поступал, думала, что опомнится и станет примерным. Теперь понимаю – измену прощать нельзя.

Марина посмотрела на меня, нахмурив брови. Я и сама хотела хмуриться от того, как звучал мой голос – с жёсткими нотками, которых там раньше не было. Но мне нравилось, что они появились. Вспоминалась та утренняя Злата, которая больше напоминала принцессу из фильма «Зачарованная». Сейчас она исчезала, растворялась. А появлялась совсем другая, новая Злата.

Я ведь была совсем не такой, когда мы только с Сашей познакомились. Проработав год по специальности менеджер государственного управления, я поняла, что это для меня скучновато, и устроилась в фирму Волошиных, созданную его отцом. В тот момент это было небольшое дело, но после нам стали давать даже госзаказы на оформление праздников и различных фестивалей.

«Железная леди!» – восхищался Саша, когда мы только начинали друг к другу присматриваться и он наблюдал за тем, как я работаю и выбиваю нашей фирме лучшие условия сотрудничества.

А я улыбалась и чувствовала себя действительно таковой. Так что же, выходит, правы те, кто говорят, что беременность размягчает не только мозг, но и всё остальное? Значит, принцессе пора было уступить место той самой железной леди.

– Злат... Не знаю, дуйся на меня, не дуйся, но я Волошину верю. И сейчас если ты отступишь, то сама отдашь его в руки прошлого.

– Отступлю? – Мои глаза помимо воли округлились. – Вообще-то я – его законная жена, а не женщина, которая должна продумывать план по борьбе за руку и сердце Саши.

Марина вновь вздохнула.

– Я не о том. Ты можешь сейчас его наказывать, не видеться с ним, отстранить от себя, но это будет только на руку той, второй.

Подруга тоже не называла её по имени, и я ей была за это благодарна.

– Я не собираюсь с ним не встречаться. У нас трое общих детей, так что... – Я развела руками, как бы говоря, что семейные посиделки никуда не денутся, даже если Волошин решит уйти к другой.

Эти мысли снова полоснули по нутру. Я бы, может, не придавала всему случившемуся такого значения, если бы не знала мужа несколько лет. И не видела, что он действительно загорелся прошлыми чувствами, прошлыми отношениями.

Загорелся встречей с той, к кому, видимо, до сих пор испытывал что-то важное.

– Ладно, давай спать ложиться. – Я поднялась с дивана и, закутавшись плотнее в плед, кивнула на детскую: – У Дианки сейчас тебе постелю, – сказала Марине и мысленно поморщилась.

Докатилась – меня царапнуло имя собственной дочери.

А наутро нас с подругой разбудил неожиданный звонок в дверь. Я, беспокойно проворочавшая половину ночи, взлохмаченная и, мягко говоря, не слишком довольная тем, что визитёр прибыл без предупреждения, открыла и нахмурилась.

На пороге стоял Марат.

«Адвокат пожаловал», – мелькнуло в голове, но я удержалась, чтобы не сказать это вслух.

– А Саши дома нет, – сложив руки на груди, уведомила я Марата. – Со вчерашнего вечера.

– Привет, – мягко улыбнулся Тинаев. – Знаю, что Саша у отца. – Мне показалось, что он произнёс эту фразу с нажимом. – Я могу зайти?

Конечно, впутывать в случившееся ещё и Марата не хотелось. И без того моими стараниями и стараниями других людей в ситуации, которая касалась только двоих, оказались замешаны слишком многие. Но раз уж Тинаев прибыл ко мне, да ещё ни свет, ни заря, я собиралась его выслушать.

– О, Маратка... привет, – заспанная Марина, закутанная в одеяло, появилась в прихожей, видимо, решив разузнать, что у меня за гости. – Не помешаю, если пойду досыпать? – уточнила она у нас.

Я помотала головой и, впустив друга Саши в квартиру, ответила:

– Не помешаешь, конечно. Мы быстро.

Пока Тинаев разувался, я прошлёпала на кухню, где принялась готовить кофе Марату и травяной чай себе. Знала даже нюансы – сколько ложек сахара кладёт в напиток Лемешев, а сколько Тинаев. Андрей любил кофе с морем сливок, Марат – чёрный. Интересно, а та, другая, знает особенности того, как подавать напитки друзьям Саши? Ребята ведь были знакомы с Волошиным ещё с тех пор, когда он учился в колледже. И почему я вообще об этом думаю?

Когда Марат вошёл и устроился за столом, я начала испытывать раздражение, что конечно сказалось на действиях. Когда ставила перед Тинаевым чашку, пролила на стол кофе.

– Если ты в качестве адвоката от Волошина – то я предпочту решать наши дела с мужем один на один, – сказала, взяв чай и присев напротив Марата.

Он смотрел на меня тёмным, почти чёрными глазами, и под этим взглядом мне становилось неуютнее с каждым мгновением.

– Нет, – помотал он головой. – Если ты о том, что Саша меня попросил с тобой поговорить – это не так.

Я прикусила нижнюю губу и отпила глоток чая. Давала возможность Марату продолжить, раз уж он сам пришёл ко мне с какими-то своими целями.

– Он только сказал, что ты остро отреагировала на его встречу с Дианой.

В отличие от меня или Маринки, Тинаев произносил имя бывшей Волошина прямо и чётко, без экивоков и попыток подсластить горькую пилюлю, выданную мне мужем.

– Дай подумаю, почему же это могло произойти. – Я сделала вид, что размышляю, постукивая пальцем по подбородку. – Может, потому что на видео Саша её приобнимал и тащил в приват? Или это ерунда и так поступают все? А может... потому что он назвал её именем нашу дочь, о чём я узнала лишь вчера?

Тинаев вздохнул и отставил чашку. Подался ко мне и заговорил:

– Я понимаю твои чувства, Злата. Правда. Но болею за вашу семью всей душой. Волошин неправ – об этом я ему сказал чётко. Ты же знаешь, почему они расстались с Дианой? – задал он неожиданный вопрос.

Я помотала головой, на губах моих появилась горькая улыбка.

– Марат, я вообще не в курсе его первых отношений, которые, как выяснилось, оставили в его душе неизгладимый след. Да ещё и такой, который сейчас заставил моего мужа вновь вспылать чувствами к прошлому.

Тинаев побарабанил пальцами по столу. Я смотрела на сидящего передо мной мужчину и ждала. А он, кажется, раздумывал над тем, говорить ли мне всё, или что-то утаить.

– Саша узнал о том, что Диана считает его... бесперспективным. Они учились вместе в колледже в пригороде. Мы тогда только начали дружить с Волошиным. У него уже были отношения с Покровской. Несмотря на то, что обоим было по девятнадцать, они говорили о свадьбе. А потом Диана решила, что с Волошиным каши не сварить, завела себе сынка богатеньких родителей, к нему и ушла. С тех пор они не виделись.

Я молчала, слушая о прошлом Саши. Лишь думала о том, что же в этом всё было настолько таинственным, что Волошин от меня это скрывал? Задетое мужское самолюбие? Или нечто большее.

– Сейчас я навёл справки о Покровской. Точнее, она носит теперь фамилию Тишина. В разводе, работала в клубе стриптизёршей, сейчас занимается тем, что разводит клиентов на дорогие напитки. Иногда с ними спит.

Я вскинула руку и прикрыла глаза. Марат замолчал, а я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Ничего не произошло... Ничего криминального пока не случилось. Просто у мужа немного сорвало крышу, но с кем не бывает?

Абсурдные мысли, лезущие в голову, были тем, за что я цеплялась с упорством скалолаза, покоряющего особо неподдающуюся вершину. Но меня выворачивало от того, что рассказывал Тинаев.

– Злата, послушай, – с жаром проговорил он, подаваясь ко мне и взяв за руку.

Я нашла в себе силы на то, чтобы открыть глаза и посмотреть на Тинаева, во взгляде которого пылали лихорадочные оттенки.

– Саша тебя любит. Он семьянин и всегда таким был. Даже с Дианой ему хотелось свадьбу и детей, а не вот это всё, что сейчас она ему может предложить. Сейчас у него как незакрытый гештальт – показать женщине, которая его отвергла из-за того, что он небогат, сколько она потеряла. Но это очень быстро пройдёт и всё развеется.

Я выдернула руку из пальцев Тинаева и вскочила из-за стола.

– Предлагаешь просто понаблюдать за тем, как мой муж будет обхаживать эту свою стриптизёршу, а потом, когда поймёт, что она ему неинтересна и он ей всё доказал, принять его обратно?

В моём голосе было столько неподдельного возмущения, что Марат сник.

– Злат... Я сделаю всё, от меня зависящее, чтобы вразумить Сашку.

Эти слова живо отозвались в моей душе. Мне не показалось – Волошина, попавшего под влияние прошлого, действительно нужно было «вразумлять».

– А я умываю руки, Марат, – устало откликнулась на реплику Тинаева. – Конечно, с Сашей мы обязательно будем разговаривать, но ему придётся очень постараться, чтобы я не думала каждую секунду о том где он, с кем и не кувыркается ли в постели с этой своей Дианой. И конечно, я не буду цепным псом, который станет сопровождать мужа всюду и тайком просматривать его телефон.

Отойдя к холодильнику, я принялась поправлять магниты, которые мои дочери регулярно использовали в качестве игрушек. Мне нужно было чем-то занять руки и голову.

– Я понимаю, Злат... И надеюсь, что тебе хоть чем-то поможет информация, которую я тебе сообщил.

Тинаев поднялся из-за стола, подошёл ко мне. Встал рядом и просто молчал.

– Как мне может помочь знание, что эта баба занимается тем, что разводит других? – задала я риторический вопрос.

– Вы как день и ночь, Злат... – отозвался Марат. – К тебе тянешься, как к солнцу... А там...

Он махнул рукой и поморщился. Вышел из кухни и стал одеваться в прихожей. И только когда я закрыла за Тинаевым дверь, выдохнула с облегчением – присутствие Марата и то, что он говорил, требовало от меня максимально нервного напряжения.

Чего я позволять себе в своём состоянии была не должна.

Марина уехала ближе к полудню. Я ходила по дому, изводясь мыслями о муже. Писать ему первой не собиралась, если Саше было важным поговорить со мной – он должен позвонить сам. Набрала маму, попросила их с отцом побыть с девочками до вечера. Я очень соскучилась и по Диашке, и по Глане и многое бы отдала за то, чтобы просто провести с дочками время, а не слоняться из угла в угол, прокручивая в голове рассказанное Маратом, но пока девочкам лучше было вне стен нашей квартиры, где их родители в любом момент могли разругаться в пух и прах.

Всё, что поведал друг Волошина живо отзывалось внутри меня, причём эмоции от этого были настолько отвратительными, что я не переставала ощущать противную тошноту.

Когда собиралась занять голову тем, чтобы посмотреть пару рецептов новых блюд, которые бы я приготовила на ужин, в замке повернулся ключ.

– Пустишь? – спросил Саша, входя на кухню.

Сердце при виде мужа радостно забилося. Только радость эта была щедро приправлена острой душевной болью.

– Ты уже зашёл, – пожала я плечами, откладывая ноутбук и садясь на угловом диванчике прямо. – И это твой дом, если ты не забыл.

Волошин, кажется, выдохнул с облегчением. Я видела, как напряжение, в котором он пребывал, отпускает его и он расслабляется. Устроившись напротив, Саша посмотрел на меня внимательно и задал вопрос:

– Поговорим?

Я кивнула в ответ.

– Да, с интересом послушаю, что ты мне скажешь.

Между нами разлилось молчание. Такое чужеродное, порождающее внутри чувство, что мы за эти несколько часов неимоверно отделились друг от друга и продолжаем это делать.

– Я не иду на мальчишник, – вдруг выдал Волошин совсем не то, чего я ожидала.

– Почему? – вскинула я бровь. – Провести ведь его можно не только там, где работает твоя... Диана.

– Она не моя, – запротестовал Саша.

Я поджала губы и отвела взгляд. Нужно было сосредоточиться на чём-то, чтобы меня не стало разрывать от эмоций, ревности и горечи.

– В любом случае, где бы мальчишник ни проходил, меня там не будет.

И что я могла сказать на это? Раньше бы настояла, чтобы Саша сходил и провёл время с друзьями, как он сам буквально выгонял меня из дома, чтобы я немного отдохнула от семейного быта. Это всегда вызывало у меня улыбку, я раз за разом убеждалась в том, что у меня самый лучший муж на свете. Но сейчас я точно была бы полной дурой, если бы начала уговаривать Волошина провести вечер в мужской компании, где бы он ни планировался.

– Хорошо. Дальше, – велела я мужу.

– А дальше... Мы с Дианой больше не увидимся. Обещаю. Ты и девочки – единственное, что у меня есть по-настоящему ценного. И теперь ещё наш сынок, – добавил муж с улыбкой.

Он говорил это, а меня захлёстывало чувствами, главным из которых было облегчение. И желание верить тому, что Саша действительно подумал о многом за эту ночь и принял конкретные решения. И хотя меня в принципе унижал тот факт, что он мог сидеть, обмозговывать всё и выбирать, сейчас я ощущала, как состояние внутреннего ступора, в котором пребывала, начинает растворяться.

– Хорошо, меня это полностью устроит. И надеюсь, что за те десять минут, которые вы провели наедине, между вами ничего не было...

– Не было! – с жаром заявил Волошин.

Подскочил с места, видимо, желая подойти ко мне, присесть рядом, но я его остановила.

– Подожди... – попросила у Саши и когда он вновь опустился на стул, проговорила: – Есть ещё кое-что, что нам стоит обсудить. Кое-что, о чём мне сегодня рассказал Марат...

Я поняла, что визит друга в наш дом стал для Волошина сюрпризом, когда Саша мгновенно напрягся. Его лицо закаменело, а во взгляде появилось странное выражение, которого я ещё не видела ни разу.

– Марат... приезжал к тебе? – потребовал он ответа. – Чтобы обсудить Диану?

Мне сразу не понравилось и то, как был произнесён этот вопрос, и то, в каком контексте он прозвучал. Словно мы с Тинаевым были бабками на лавке, которые моют кости добропорядочным девушкам.

– Марат приезжал ко мне, чтобы побыть твоим адвокатом. Я даже подумала, что именно ты его об этом попросил.

Я всматривалась в черты лица Саши, чтобы поймать любой оттенок эмоций, который бы там отразился. И не понимала ничего от слова совсем. Когда Волошин успел стать настолько другим, что я не могла «считать», о чём же он думает?

– Я его ни о чём не просил, – ответил он. – Так что он тебе поведал?

Тяжёлый взгляд мужа, который, кажется, желал проникнуть мне в самое нутро, пригвоздил к месту. Словно кто-то положил мне на затылок пудовую ладонь и теперь придавливал, понуждая пригнуться к земле.

– А может, ты сам расскажешь, какие из обстоятельств твоего прошлого с Дианой теперь вынуждают доказать ей, что круче тебя только варёные яйца?

Я не сдержалась и в тоне зазвенели истеричные нотки. Спокойно, Злата...

«Ты солнце, а там...» – пришли на память слова Марата, которые сейчас стали мне опорой и поддержкой.

Я солнце... Я ведь всегда сияла. И в своём счастье, и в желании делиться им с другими. Я не имею права позволять кому бы то ни было погасить этот свет. Тем более – бывшей бабе Волошина, которая мне в подмётки не годится.

– Он так сказал? Что мне нужно что-то кому-то доказать?

Муж запрокинул голову и рассмеялся. Зло, отрывисто, коротко. Я не узнавала в этом смехе отца своих детей, я не узнавала в нём человека, с которым прожила несколько лет и доверяла, как самой себе.

– Об этом ты и хотела поговорить? – вскинул Саша бровь. – О том, не брошусь ли я показывать Диане, что теперь я её достоин?

Он всё же поднялся из-за стола и, заложив руки в карманы джинсов, отошёл к окну. Стоял, повернувшись ко мне спиной, смотрел на город.

– Она ведь так и сказала тогда... Что со мной никаких перспектив. Что будет искать себе более подходящий для жизни вариант.

Волошин словно бы говорил сам с собой, а я сидела в стороне, застыв. Задавала себе вопрос:

«Неужели он не понимает, что ранит сейчас меня каждым словом? Каждым оттенком эмоций, направленных на прошлое?»

Фокусируясь на том, что уже давно должно было быть придавленным могильной плитой, Волошин рисковал потерять самое важное. Но навязывать ему эти мысли о объяснять очевидное я не собиралась.

– Пожалуйста, избавь меня ещё и от этих подробностей, – хрипло, но твёрдо заявила я, поднимаясь из-за стола следом за мужем. – Я тебя слышала – ты не идёшь на мальчишник, с Дианой больше не встречаешься. Живёшь с нами, потому что мы – твоя любимая семья, никаких поводов усомниться в тебе не даёшь. Это так?

Я сложила руки на груди и ждала ответа от Саши, который, кажется, пребывал в каких-то своих грёзах о прошлом. Это откровенно пугало, но сейчас у меня попросту не было сил на то, чтобы продолжать вытаскивать из мужа новые откровения.

– Это так, – кивнул он, повернувшись ко мне.

– Меня это полностью устроит. – Я повторила его жест, кивая.

И прежде, чем уйти в детскую, где собиралась прибраться перед приходом девочек, добавила:

– Хорошо поразмысли о том, стоит ли терять семью ради бабы, которая прыгает в койку к любому мужику, который купит в клубе алкоголь подороже.

Повернувшись к Саше спиной, я удалилась из кухни. И даже представить себе не могла, каким взглядом он меня провожает.

И какие эмоции испытывает в сторону законной жены, которая посмела посягнуть едва ли не на святое.

– Пап, ты снова задумался! – с непосредственным детским возмущением воскликнула Диана, с которой Волошин сидел на полу и в сотый раз играл в «Миллионера».

Изученная вдоль и поперёк настолка сегодня раздражала.

– Я не задумался, Бусь... Просто немного устал.

Он посмотрел на часы – до момента, когда нужно было укладывать девочек, ещё прилично времени. Значит, впереди купание, а потом – пара сказок.

– Тогда иди и отдохни, – велела Дианка.

Вскочила, засуетилась, собирая игру. Волошину стало неудобно перед дочерью. Это Глашка могла валяться на игровом коврике с книжками, и её не слышно, не видно. А старшая всегда требовала к себе внимания.

– Не отдохну! – заявил он, с улыбкой помогая дочери положить разноцветные карточки в коробку. – Пойдём сейчас купаться.

Дианка просияла. Саше стало неудобно от того, что всего на мгновение, но всё же испытал раздражение в отношении того, что вынужден заниматься детьми.

Девочки были уложены, Волошин вошёл в спальню к жене. Она сидела на краю постели, не заметив его присутствия, так как всю изучала книгу про беременность. Одну из множества, которые покупала тоннами на протяжении последних пяти лет.

С тех пор, как узнала, что ждёт Дианку, одним из самых любимых времяпрепровождений Златы стало изучение процесса деторождения. Волошин порой смеялся, что такими темпами она сама скоро станет акушеркой.

– Они уснули, – тихо сказал Саша, подходя к Злате.

Та встрепенулась, нахмурилась, взглянув на него.

– Не устал? – спросила у него, и в вопросе этом Волошину почудилась насмешка.

– Нет, не устал. Они – мои дети, вообще-то, – ответил чуть воинственно.

Злата покачала головой и не стала отвечать на произнесённое. А Саша, вздохнув, устроился рядом с ней и оба погрузились в молчание, которое самому Волошину сейчас показалось слишком тягостным.

Он действительно очень любил и жену, и Диану с Глашей. И их ещё нерождённого сына, о котором мечтал. Но сейчас отчего-то на душе властвовало чувство, что прежде яркий окружающий мир стал блёкнуть, терять краски. Как в анекдоте про поддельные новогодние игрушки – такие же, как и настоящие, только радости от них никакой.

– Спать надо ложиться. У отца отвратительно неудобный диван, я проворочался всю ночь, – сказал Волошин, усмехнувшись.

Злата повернулась к нему, сильнее нахмурила брови.

– Ложись, я выпалась. Пойду на кухню почитаю.

Она поднялась, потянулась, Волошин помимо воли прошёлся взглядом по фигуре, которую не испортили роды. Аккуратный животик только-только начал появляться, ноги у Златы были стройными и длинными. А грудь за последние несколько лет стала ещё больше и соблазнительнее. Но и к жене сейчас Саша не испытывал тех же острых чувств, которые раньше захлёстывали с головой.

– Спокойной ночи, – сказала она ему и, прихватив книгу, ушла.

– Спокойной ночи, – пробормотал Волошин и, пожав плечами, отправился в душ.

У него из головы никак не шли слова жены о том, что Диана прыгает в койку к любому мужику. Это настолько не вязалось с образом той девушки из прошлого, которую он любил, что вызывало не только диссонанс, но и злость. Что такого наговорил Марат Злате? А главное, зачем он это сделал?

Да, Ди ушла к более, как она выразилась, перспективному мужчине. Но, наверное, в этом он мог её понять. Чего он желал в девятнадцать? Семью с Дианой, детей. Крепкий тыл. Никаких мечтаний о том, чтобы стать миллиардером, у него не имелось. Конечно, он собирался сделать всё, чтобы обеспечить жену и потомство, но в этом вопросе они с Ди расходились.

Грезил она в основном о жизни, в которой была бы едва ли не звездой со своими яхтами и небоскрёбами. А Волошин лишь слушал её с улыбкой, понимая, что это всё тщетно. Но мысленно обещая себе сделать всё, чтобы Диана ни в чём не нуждалась. Если бы он знал тогда, что её «угрозы» найти себе какого-нибудь арабского шейха, произнесённые весёлым тоном, на самом деле вовсе не шутка... Наверное, задумался бы о том, как обворовать банк. Для начала.

Так неужели та самая Диана сейчас превратилась в обычную шлюху? В это Волошин не верил.

Он посмотрел на часы – до конца рабочего дня ещё вполне прилично времени. Побарабанил по столу, размышляя о том, что сказал Злате и что ей пообещал. Они с Дианой больше не увидятся. Да, именно так он и сказал. Но ему жизненно необходимо было не только выяснить о ней всё, но и увидеть это собственными глазами.

– Вероника, я отъеду по делам, – сообщил он секретарше, накидывая на ходу пиджак. – Если мне будут звонить, скажи, что я на встрече с партнёрами.

Она кивнула, и Саша, окончательно уверяя себя в том, что действует правильно, вышел из офиса и сел в машину.

О том, что они с Дианой не станут видеться, Волошин не соврал. Она его не замечала, полностью увлечённая тем, что обихаживала клиента за барной стойкой. Светлые волосы были убраны наверх, открывая притягательные изгибы тонкой шеи. На лице – почти нет косметики, от того оно кажется непосредственно-детским. Одежда и украшения подобраны со вкусом и вызывают ощущение, что в этот бар при клубе заглянула скупающая жена банкира. Или пресловутого миллионера, о котором так мечталось когда-то Диане.

Клиент подал знак бармену, очевидно, заказывая напиток для своей новой знакомой. Взгляды Ди и парня, стоящего с той стороны стойки, встретились. Он едва заметно кивнул, видимо, давая знак, что всё понял, а Диана, улыбаясь и щебеча, придвигалась поближе к мужику лет шестидесяти, посетившему бар в разгар рабочего дня.

Волошину этого было достаточно. Он постоял ещё немного, наблюдая за всем со стороны и, развернувшись, пошёл к выходу. Вот на это променяла Диана Сашу и любовь, которой он пылал в юношестве? На охмурение мужиков, чтобы они сделали выручку бару?

Он уже дошёл до выхода из клуба и собирался толкнуть перед собой дверь, чтобы покинуть это «прекрасное» место и Диану, которую действительно не собирался больше лицезреть, когда позади раздался до боли знакомый голос:

– Саша?

Волошин замер и прикрыл глаза. Перед ними замелькали яркие картинки из прошлого. Вот они с Дианой и друзьями на каком-то мероприятии, где вместо хрустальных бокалов – пластиковые стаканчики. Где из закуски – пару яблок, поделённых на все. И он, Саша, счастлив там, с ней. Рядом. Просто потому что молоды и беспечны и вся жизнь впереди мелькающим калейдоскопом. А Ди морщит прехорошенький носик и фыркает, когда он говорит, что вечеринка просто супер. Потом высказывает ему свои пожелания – она хочет быть королевой какого-нибудь светского раута. Не меньше. Саша смеётся и обещает себе, что когда-нибудь у них это обязательно будет. А сейчас... сейчас ведь они счастливы в моменте, не так ли?

– Диана?

Он обернулся и, нацепив на лицо непроницаемое выражение, улыбнулся одним уголком губ.

– Я тут зашёл, думал дорешать вопросы с мальчишником.

Она тоже растянула губы, которые с тех пор, как он целовал их в последний раз, стали ещё пухлее и привлекательнее.

– Мог просто позвонить мне.

Диана подошла ближе, застыла в полуметре. Обоняния коснулся тонкий аромат её духов.

– У меня нет твоего номера, – растерянно проговорил Саша.

– Так запиши.

Она мелодично рассмеялась и прежде, чем развернуться и направиться к одному из столиков, прибавила:

– Идём, посидим, поболтаем по-дружески. Я дико устала.

Волошин, как замороженный, направился следом. Это всего лишь разговор. Ничего криминального, за что его можно распять и предать анафеме.

Просто ничего не значащая беседа.

Диана устроилась в обитом зелёной кожей кресле, откинула голову назад, распустила волосы, золотым водопадом заструившимся по спине и плечам. Прикрыла глаза и вздохнула.

Вздохнул и Саша.

– Я видела тебя, ты наблюдал за мной и этим, – она небрежно указала на клиента, так и оставшегося сидеть за барной стойкой.

– Этим? – приподнял бровь Александр. – А что если он решит набить мне морду, потому что теперь ты со мной, а не с ним?

Он уже включился в игру. Он стал её частью. И ему это, чёрт побери, нравилось.

– Я делаю ставку на тебя, – вновь рассмеялась Диана.

Пощёлкала пальцами. Официант, видимо, знающий её привычки от и до, тут же появился рядом с длинной тонкой сигаретой и зажигалкой.

– Не будешь против, если закурю? – поинтересовалась бывшая.

Саша помотал головой.

– Конечно, нет.

Она потянулась к зажигалке, прикурила, посмотрела на Волошина сквозь пелену табачного дыма.

– Так что ты сегодня действительно забыл в этом клубе, Саша? – спросила, одной фразой опрокидывая его на лопатки.

Потому что он не понимал, что сказать. Как соврать в том вопросе, на который Диана уже знала однозначный ответ.

– Чем ты занимаешься, Ди? – тоже подозревая к себе официанта, проговорил Волошин. – Опаиваешь платёжеспособных клиентов, чтобы они принесли бару выручку?

На её лице не мелькнуло и тени. Напротив, кажется, то, что уточнил Саша, порядком Диану позабавило.

– Надо как-то зарабатывать себе на жизнь, – чуть пожала она плечами. – Так почему не здесь? Платят хорошо, работа непыльная. Раньше крутилась у шеста, теперь – пошла дальше.

В полумраке сверкнули белоснежные зубы, Ди снова улыбалась. Очаровывала, погружала туда, где Саша уже стал вязнуть по самую макушку.

– Так всё же те мечты о миллионах остались в прошлом?

Он задал этот вопрос и вдруг испытал опасение, что Диане направление, в которое свернула беседа, не понравится. И она просто встанет и уйдёт. Однако, этого не случилось.

– Ну почему в прошлом? – усмехнулась Ди. – Пока жду прекрасного принца, выкручиваюсь, как могу. Но как только встречу...

Она повесила в разговоре красноречивую паузу. Похлопала ресницами, глядя на Волошина, затянулась сигаретой в последний раз и, затушив окурочек в хрустальной пепельнице, положила локти на стол и подалась вперёд, выгодно выставляя обтянутую тканью грудь.

Перед Сашей поставили заказанный напиток. Александр сделал глоток и откинулся на спинку кресла, глядя на Диану. Любовался ею, всё больше погружаясь в прошлое, которое сейчас стало той единственной отдушиной, где хотелось оставаться.

– А ты, Саш... Расскажи о себе всё, – попросила Диана, и Волошин вновь застыл под её гипнотическим взглядом.

– Да нечего вроде особо рассказывать, – пожал он плечами. – Женился не так давно, сейчас третьего ждём.

Сказал это, и снова дерьмовое чувство возникло, что озвученное семейное положение оттолкнёт Диану, поставит между ними стену.

– Оу, так ты у нас отец-герой, – усмехнулась она и покачала головой. – А я вот до сих пор не остепенилась. Да в целом, не особо и стремлюсь.

Диана откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза.

– Слушай, можно я попрошу тебя... ну, чисто по-дружески, конечно, чтобы жена не заревновала? – посмотрела она на Волошина и сделала умильную «мордашку».

– Попроси, – кивнул тот. – И Злата у меня не ревнивая. Знает, что я верный.

Зачем он это говорил? Словно в мороке каком-то пребывал, когда произносил совсем не то, что должен был, и мысли совсем не те были, какие обычно владеют взрослым женатым мужчиной.

– Разомни мне плечи, пожалуйста. Я бы Витку-массажистку попросила, но она сейчас занята.

Диана перекинула волосы на одно плечо, чуть приспустила блузку, открывая белоснежную кожу. Знала ведь прекрасно, что Саша не пошлёт её куда подальше. И точно – он сам, словно попав под колдовские чары, поднялся, зашёл Диане за спину и, аккуратно положив ей на плечи ладони, чуть сжал.

– М-м-м, как приятно, – простонала она с хрипотцой в голосе. – Можно сильнее. Я помню – ты умеешь.

Волошин начал разминать трогательно-хрупкие плечи, фарфоровая кожа на которых была такой тонкой, что казалось, будто можно рассмотреть каждую венку под нею.

– А как поживает твой отец? – задала неожиданный вопрос Диана. – Ему удалось организовать дело всей жизни?

Перед мысленным взором Волошина всплыли в памяти картинки того, как Ди общалась с его папой. Она уже тогда очень нравилась мужчинам, хотя вроде как была всего лишь девятнадцатилетней девчонкой. Не стал исключением и отец Саши. Он делился с Дианой своими планами, а она мелодично смеялась и заверяла его, что у него точно всё получится.

– Удалось, – не без самодовольства ответил Волошин и добавил: – У него отличный бизнес. Я им управляю. Когда-нибудь он перейдёт мне.

Диана кивнула, повела плечом, подставляя Саше ключицу, по которой он прошёлся пальцами.

– А жена? Где ты её нашёл? – продолжила она расспросы.

Впрочем, ответить Волошин не успел.

– Где нашёл, там таких уже нет, – раздался неожиданно голос Марата, и сам Тинаев приземлился напротив Дианы и застывшего за её спиной Саши. – Не помешаю? – вскинул он брови, прямо глядя на друга.

Волошин, отдернувший руки от плеч Ди, словно только что обжёгся кипятком, сжал ладони в кулаки. Чёртов Марат! И откуда он тут взялся, а главное, какого хрена не сделал вид, будто не заметил Сашу и Диану?

– Не помешаешь, – буркнул Волошин.

Отошёл от бывшей. Когда вновь устроился за столом, теперь уже рядом с Тинаевым, с силой двинул его бедром. Тот хмыкнул, растёр ладонью шею.

– Я здесь по поводу Андрюхиного мальчишника. Смотрю, у вас тут массаж творится. Дай, думаю, подойду, поздороваюсь.

Он покосился на Волошина, ухмыляясь. Нехорошо так, понуждая вновь сжать руки в кулаки.

– Да Саша мне по старой памяти помог немного, – рассмеялась с хрипотцой в голосе Диана.

Вдруг протянула руку, коснулась пальцами ладони Марата. У Волошина внутри всё перевернулось и запылало, обжигая.

– Я очень рада тебя видеть, – призналась она, переключая всё своё внимание на Тинаева.

А тот уже расплылся в той улыбке, которую Волошин знал на все сто. После расставания с девушкой, с которой у Марата были серьёзные отношения, флиртманить Тинаев любил напрапалую.

– Пойдём, подкинешь меня до дома, – толкнул друга плечом Волошин. – А то я выпил, а такси вызывать не хочу.

Он поднялся из-за стола и заложил руки в карманы брюк. Стоял, смотрел на Марата, испытывая смесь раздражения и агрессии. На Диану даже не взглянул, хотя ощущал кожей, как она сосредоточила внимание на нём.

– А что не так с такси? – приподнял бровь Марат. – Довезёт быстро, с ветерком. Да и ты у нас теперь парень небедный, хватит на то, чтобы до дома доехать.

Тинаев издевался над ним. В тёмном взгляде пылали холодность и вызов. Вся эта ситуация уже перешла за границы разумного.

– Я вообще тут зависнуть собирался, – продолжил Марат. – Клуб классный. Девчонки вот тоже, – он небрежно кивнул на Диану. – Так что думаю, тебе стоит воспользоваться такси. Ну или общественным транспортом.

Волошин едва не взвыл. Что творил Тинаев, он не понимал. Вернее, не совсем так. Осознавал, что друг выводит его на эмоции, которые вроде как ему, женатому мужику, испытывать не стоило. Но только сам Саша решал, что делать со своей жизнью и как себя вести в сложившихся обстоятельствах.

– Идём, – велел он Марату и, развернувшись и не попрощавшись с Дианой, с которой у него, конечно же, ничего не было закончено, направился к выходу из клуба.

Тинаев присоединился к Саше, когда тот простоял на улице минут пять. Волошин злился – Марату удалось влезть туда, куда не просили. Что крылось в этом желании встряхнуть Сашу так, чтобы из него полезли те чувства, которых он совсем не желал испытывать, он не знал. Но собирался это выяснить.

– Какого хрена? – без лишних прелюдий выдохнул Волошин, стоило только Марату оказаться рядом.

Наряду с агрессией он ощущал ещё и облегчение – Тинаев всё же не стал задерживаться возле Дианы. А те клиенты, которых она обхаживала... Что ж, это всего лишь её работа.

– Что ты имеешь в виду?

На губах Марата зазмеилась нехорошая улыбка.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, – буквально выплюнул Волошин. – Какого хрена ты влез?

– В этот развод? – вскинул друг бровь.

Произнесённое слово на мгновение охладило порыв Саши рвать и метать.

– Какой развод? – поинтересовался он в ответ.

– Да такой. Твоя бывшая тебя разводит. Причём не просто так, но ещё и с женой. Не задумывался об этом?

Марат заложил руки в карманы пальто, поёжился под ледяным дождём, вдруг зарядившим с хмурого неба.

– Она с клиентами спит. Ты не в курсе? – вдруг ошаршил Тинаев. – Для неё всё, что она тебе сегодня продемонстрировала – лишь бизнес...

Он собирался продолжить говорить, когда Волошин его остановил:

– Не смей!

Метнулся в сторону, взъерошил волосы пятернёй. Плевать ему должно быть на то, как Диана зарабатывала и продолжает зарабатывать деньги. Так почему же сейчас так хреново от понимания, что она ложится под любого мужика, который поводит перед её носом хрустящими купюрами?

– Поехали, отвези меня домой, – попросил хрипло, спускаясь по ступеням и направляясь в сторону тачки Марата, припаркованной чуть в стороне.

Сел в неё, когда Тинаев пикинул сигнализацией. Откинулся на подголовник и прикрыл глаза. Через мгновение рядом устроился брат. Какое-то время посидел, глядя на Волошина – последний чувствовал это всем нутром, – после чего вырулил на шоссе и молча, не присовокупив и слова, повёз Сашу домой.

– Я решила... иду на тот самый мальчишник! – решительно заявила мне Маринка, которая прибыла неожиданно, словно снег на голову.

Я как раз пересматривала детские вещички, из которых девчонки уже выросли. В основном мы закупали боди и комбинезончики нейтральных цветов, чтобы они подошли ребёнку любого пола. И вот теперь я с любовью вытаскивала из коробки, что лежала в шкафу, костюмчики, постельное бельё, носочки. Всё перестиранное, выглаженное, ожидающее своего часа. Эти мысли отвлекали, не давали погрузиться в тягостные чувства, которые возникали в тот момент, когда думала о муже.

Постоянно прокручивала в голове вопросы – где он? Даже если сказал, что находится на работе и задержится на час-другой. Не врёт ли в этот момент? И как вообще это проверить, не унижаясь? Звонить секретарше? А если та скажет, что Саша уехал на совещание? Копать дальше и чувствовать себя чёртовым Шерлоком?

– Зачем идёшь? – уныло поинтересовалась у подруги.

– Ну как – зачем? Посмотрю со стороны, что там будет происходить. Тебе разве не интересно, соврал муж или нет по поводу того, что туда не пойдёт?

Она приземлилась на край дивана, сложила руки на груди. Глаза Маринки пылали лихорадочным блеском, было ясно – она вбила себе в голову сверх-идею и не готова с нею расставаться.

– Мариш, мне всё это как серпом по одному месту, – поморщилась я, положив ладонь на живот. – Сама понимаешь – бегать и выяснять я что-либо не стану. Если уж Волошин решил мне изменить, он это сделает. Ну и я непременно об этом узнаю.

Слова звучали так отвратительно, так жутко. Словно из какой-то другой жизни, в которой вдруг злой режиссёр решил спланировать течение моего бытия совсем иначе. А мне только и оставалось, что охреневать, как бы грубо это ни звучало.

– Ну так тебе и не нужно выяснять! – с жаром откликнулась Марина. – Я буду там и всё разужнаю. Где эта его Диана. Где сам Волошин.

Она с силой ударила по обитому флоком дивану, и я встрепенулась. С тех пор, как попала в то, что навязал мне муж, в чём вынуждена была существовать, я словно бы очутилась в каком-то аморфном состоянии. И я не хотела так дальше жить! Не желала тратить на это бесценные минуты, которые могла посвятить чему-то совершенно иному. Потому подошла к Марине и, устроившись рядом, ответила, с решимостью, зазвучавшей в голосе:

– Иди, Мариш. А после расскажи всё – был ли там мой муж. Была ли там его... Диана...

Я всхлипнула и призвала на помощь все силы, чтобы не расплакаться. Марина кивнула и обняла меня за плечи...

Когда в квартиру вплыл сначала аромат цветов, а затем – и огромный букет, за которым было не видно мужа, меня стал разбирать нервный смех. Всё, как в классических историях о мужчине, наставляющем своей жене ветвистые рога. Сначала койка с другой, а потом замаливание грехов, попытка купить себе индульгенцию букетами, конфетами и ресторанами. В общем, самыми банальными вещами, которые первыми приходят в голову вместо самой простой человеческой чистоплотности.

– Твои любимые. Еле нашёл именно розовые, всюду только белые, – сказал Саша, с улыбкой вручая мне лилии.

Я приняла букет и кивнула.

– У нас какой-то повод? – вскинула брови, положив цветы на стол.

Пока искала вазу, к нам прибежала любопытная Дианка, следом за ней хвостиком примчалась и Глаша. Старшая дочь при виде цветов просияла.

– Поводов порадовать жену мне никогда было не нужно.

Волошин повернулся к девочкам, подмигнул им, на что они рассмеялись и, подлетев к нему, потребовали взять их на руки. Я частенько поражалась тому, как у Саши выходит усадить сразу обеих, да так ловко, словно выполнял умелый трюк.

– Спасибо, – просто ответила я, ставя цветы в вазу. – Мойте руки, будем ужинать. Всё скромно сегодня, но уж как есть, – развела я руками.

Троица закивала и удалилась в сторону ванной комнаты. Я вздохнула, испытывая дурацкое облегчение. От того, что Саша пришёл домой, хотя, вроде как, это было совершенно обычно и даже обыденно.

Отставив букет, принялась накрывать на стол, взяв паузу в своих тревогах и волнениях.

Когда с едой было покончено и дочки удалились к себе для важных мероприятий по лечению кукол, я почувствовала, что напряжение между мной и Володиным становится всё ощутимее. Причём исходит оно не от меня, а от Саши.

– Можешь уделить мне пару минут? – спросил он, натянуто улыбнувшись.

Я нахмурилась, а сердце тут же предательски забилося, а в голове со скоростью света стали появляться мысли о том, что вот сейчас Волошин скажет мне об уходе. Какие глупости – зачем тогда букет и попытка «порадовать жену»? Не ложка же мёда перед тем, как окунуть годы нашего брака в бочку дёгтя?

– Могу, конечно.

Я бросила складывать посуду в машинку и, подойдя к столу, вновь устроилась напротив мужа.

– Что-то случилось?

Чего мне стоило не присовокупить к заданному вопросу что-нибудь ещё и сохранить выражение безмятежности на лице, знали только небеса.

– Нет, ничего не случилось, – помотал Волошин головой. – Просто не хочу, чтобы тебе донесли всё так, что ты решишь, будто я тебе солгал.

Он произнёс эти слова, и только по тому, каким тоном они были сказаны, я поняла, что не услышу дальше ничего хорошего.

– Не говори загадками, Саш. Мне кажется, всё самое худшее между мной и тобой уже случилось.

Склонив голову набок, я посмотрела на мужа, не сдержав горькой кривой улыбки. Волошин нахмурился, но бросаться выяснять, что имею в виду, не стал.

– Мы с Дианой виделись, но...

– ... но у вас снова ничего не было, – закончила я за мужа и вдруг испытала такую чудовищную усталость, лёгшую на плечи бетонной плитой, что от этого мне захотелось согнуться в три погибели.

– Я был в клубе. Мне... нужно было кое-что выяснить.

Саша сначала заговорил торопливо, потом сделал паузу, видимо, подбирая слова. А я сидела и терпеливо ждала, чтобы поставить точку в этих его попытках нафантазировать что-то об отсутствии вины.

– Там случайно встретился с Дианой. Мы немного поговорили о прошлом. Как... старые приятели.

– Ты в честь всех своих старых друзей хочешь наших детей назвать? Мне теперь ждать случайных встреч с какой-нибудь Глафирой из прошлого? – не удержалась я от уточнения.

Волошин недовольно поджал губы. Разливающийся по кухне приторный аромат цветов сейчас показался мне трупным смрадом.

– Это действительно была всего лишь беседа «привет, как дела?», – упрямо сказал он, опустив голову и глядя на меня исподлобья.

А мне стало так смешно от того, что происходит... так горько и так забавно.

– Чего ты добиваешься, когда вот так сажаешь меня напротив для разговоров и начинаешь рассказывать про свои встречи с бывшей? Что я дам тебе разрешение и впредь случайно сталкиваться с ней на улице и идти в кафе? Так ты взрослый мальчик, Саш... И поступать должен по-взрослому.

Волошин принялся сминать салфетки. Доставал их по одной из картонной упаковки и, превратив в комок, складывал перед собой.

– Я решил признаться тебе честно в этой встрече... чтобы не было проблем, если вдруг узнаешь.

– Вас кто-то видел? – стало доходить до меня, и эта догадка мгновенно отрезвила.

– Марат.

Волошин вскинул на меня взгляд и посмотрел так, что теперь уже мне стало неудобно.

– А если бы он не стал свидетелем вашей встречи, ты бы ничего мне не сказал? – вскинула я бровь.

– Скорее всего, нет, потому что просто не придавал ей никакого значения!

Он проговорил эти слова с жаром, но я сидела и задавалась вопросом: меня он хочет в этом убедить, или самого себя? Могла пожать плечами, вновь принять на веру то, что говорит Волошин. Сделать вид, что не сомневаюсь в его обещаниях не встречаться с Дианой, но это был бы самообман.

– Я думаю, что мне нужно тебя отпустить, – выдавила из себя, толком не успев осознать, что говорю.

Глаза Саши полезли на лоб. Он смотрел на меня так, словно видел впервые в жизни.

– Что значит... отпустить? – выдохнул неверяще. – Я никуда не собираюсь, да и ты меня не держишь.

Волошин порывисто вскочил, сделал шаг ко мне, опустился передо мною на корточки и стал ловить мой взгляд, который я старательно отводила. Сидела, с силой кусая губы, чтобы хоть немного отвлечься на боль физическую, а не те жуткие душевные страдания, которые захлёстывали всё сильнее с каждым мгновением.

– Подумай о том, что я сказала, Саш. Последнее, что мне хочется сейчас делать – пытаться конкурировать с женщиной, которая, кажется, для тебя заменила собой всё.

Поднявшись, я прошла мимо и мужа и пошла к девочкам. Ещё один такой разговор... ещё одно издевательство в виде признаний во встречах с Дианой, и я не выдержу. Не просто отпущу Сашу на все четыре стороны, а соберу дочерей и уеду к родителям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.